

На правах рукописи

Дыжитова Екатерина Чингисовна

**ТОПОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ВОСТОЧНОГО
ЗАБАЙКАЛЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ,
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Чита 2019

Работа выполнена на кафедре китайского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Забайкальский государственный университет»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, доцент
Жамсаранова Раиса Гандыбаловна
- Официальные оппоненты:** **Мызников Сергей Алексеевич**
доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт славяноведения Российской академии наук, Центр ареальной лингвистики, главный научный сотрудник
- Дашеева Вера Витальевна,**
кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», кафедра филологии стран Дальнего Востока, доцент
- Ведущая организация:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный педагогический университет», г. Томск

Защита диссертации состоится «07» июня 2019 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседания Учёного совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова и на сайте <http://www.chvsu.ru>

Автореферат разослан «5» апреля 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.В. Софронова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена специальному изучению топонимической лексики Восточного Забайкалья в сравнительно-историческом, сопоставительно-типологическом аспектах.

Актуальность диссертационной работы обусловлена следующими факторами:

1) топонимическая лексика – географические имена собственные и географическая терминология – содержит ценные сведения об ареалах обитания и миграционных процессах расселения народов, физико-географических характеристиках природных объектов, исторических событиях, эволюции межкультурных и межъязыковых контактов;

2) востребованностью изучения топонимической лексики в сравнительно-историческом, сравнительно-сопоставительном и типологическом аспектах вследствие наличия древнетюркского и самоедоязычного субстрата в топонимии Восточного Забайкалья;

3) необходимостью описания интерферентно-трансферентных явлений в топонимической лексике региона;

4) перспективностью исследования топонимической лексики на предмет выявления конвергентных явлений, способствующих установлению типологически релевантных характеристик неродственных языков – самодийских и монгольских.

Степень научной разработанности проблемы.

Топонимическая лексика Восточного Забайкалья на примере сопоставления монгольских и самодийских языков в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах ранее не подвергалась отдельному лингвистическому исследованию ни в отечественной, ни в зарубежной ономастике.

Научный интерес к топонимической лексике обусловлен неразрешённостью этноязыковых проблем коренных народов региона – бурят и эвенков, тунгусского населения исторической Даурии, равно как и их языков.

Исследования топонимической лексики с позиции сравнительно-исторического, типологического языкознания имеются в работах следующих учёных: И.А. Воробьевой, А.П. Дульзона, Д. Европеуса, А.К. Матвеева, Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова,

Ю.А. Карпенко, Г. Е. Корнилова, Е.С. Отина, А.И. Попова, Е.М. Поспелова, Б.А. Серебренникова, А.И. Туркина, Н. К. Фролова.

Особо следует заметить об исследованиях сравнительно-сопоставительного характера в тюркском языкознании, которые представлены работами И.А. Андреева, Н.И. Ашмарина, З.В. Гришаевой, В.Г. Егорова, Г.Е. Корнилова, М.М. Михайлова, Н.П. Петрова, В.И. Сергеева и др.

Известно, что для полного и объективного восстановления диахронных исторических процессов, равно как и прежнего «облика» современного языка определённую роль играют топонимические исследования, включая и изучение топономастической лексики. Исследование топономастической лексики может осуществляться в двух направлениях. Первое – это устоявшееся направление в современной ономастике, которое органично связано с теорией субстрата¹.

Представителями первого направления в российской науке являются: Р.А. Агеева, П.Б. Балданжапов, Э.Г. Беккер, С.А. Гурулев, А.П. Дульзон, Р.Г. Жамсаранова А.К. Матвеев, М.Н. Мельхеев, Э.М. Мурзаев, Т.Н. Тепляшина, Н.К. Фролов, Л.В. Шулунова.

Второе направление связано с изучением экспансивного воздействия «чужеродных» языков на первичный язык². Идею экспансивного влияния языков на топонимическую лексику можно проследить в работах И.Г. Ахметзянова, И.А. Воробьевой, Г.В. Глинских, А.В. Кручининой, Т.И. Киришевой, Е.Л. Калининой.

Возможно выделить и третье направление ономастических исследований в аспекте контрастивной лексикологии. Контрастивная лексикология ставит целью типологическое описание фактов разноструктурных языков (К.М. Головина, А.С. Иванова, Д. Хамуркопаран).

Как известно, топонимика развивается в тесном взаимодействии с географией, историей, археологией, этнографией, лингвистикой. В связи с этим, в разное время учёными разрабатывались методологические основы исследования субстратной топонимии конкретных регионов (Э.Г. Беккер, А.А. Бурыкин, И.А. Воробьева, В.Г. Глинских, Т.Н. Дмитриева, А.П. Дульзон, Н.В. Кабинина,

¹ Мурзаев Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. М.: Мысль, 1974. С. 25.

² Там же.

А.К. Матвеев, И.И. Муллонен, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, Б.А. Серебренников, Т.Н. Тепляшина, Н.К. Фролов и др.).

Так, известно, что географические термины отмечаются в качестве важнейшего источника формирования исторически сложившейся топонимии³. Общеизвестна закономерная связь между номенклатурной географической терминологией и ролью соответствующих природных объектов в жизни человека. Отражая физико-географические реалии окружающей природы в условиях, например, кочевого образа жизниномада, номенклатурные географические термины являются основным первоисточником именованаречения при «появлении» топонимов.

Известно, что одним из условий «вхождения» субстратного топонима в топонимическую систему является условная степень готовности подвергнуться фонетической, морфологической и вероятной псевдосемантической адаптации.

Вопросы языковой адаптации субстратной топонимии нашли отражение в научных трудах представителей Уральской топонимической школы профессора А.К. Матвеева; Томской лингвистической школы профессора А.П. Дульзона; Волгоградской ономастической школы диалектолога И.Г. Долгачева; Одесской ономастической школы профессора Ю.А. Карпенко; Казанской лингвистической школы; Байкальской ономастической школы профессора А.Г. Митрошкиной.

Предмет исследования – лингвистические процессы при адаптации субстратной топонимической лексики.

Объектом настоящего исследования является топонимическая лексика Восточного Забайкалья.

Источниками материала исследования послужили: топонимическая картотека Забайкалья (ТКЗ), материалы документов Государственного архива Забайкальского края ф. 19, оп. 1, д. 86, полевые материалы экспедиционных поездок 2004-2010 гг. Исследовательская база составляет около **565** единиц проприальной и около **130** единиц апеллятивной лексики с их производными. Общее количество топонимической лексики составляет **695** единиц.

Цель диссертационного исследования заключается в специальном изучении топонимической лексики Восточного

³ Местные географические термины: сб. ст. / Отв. ред. Е.М. Поспелов и Н.И. Толстой. М.: Мысль, 1970. 224 с.

Забайкалья в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом аспектах.

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих исследовательских **задач**:

1) систематизировать изучение топонимической лексики региона в сравнительно-историческом, сопоставительном и типологическом аспектах;

2) системно исследовать топонимическую лексику (топонимы и географические термины) алтайских языков региона;

3) сопоставить монголоязычную топонимическую лексику с субстратной и выявить типологические сходства и различия в фонологической, морфологической и семантической организации географической терминологии;

4) исследовать интерферентные, трансферентные и конвергентные процессы в корпусе региональной топонимической лексики.

Научная новизна диссертационной работы состоит в:

1) комплексном обобщении научных трудов по изучению топонимической лексики разных регионов в сопоставительном аспекте;

2) комплексном описании топонимической лексики алтайского языкового происхождения в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах;

3) системном исследовании монголоязычной и субстратной (самодоязычной) топонимической лексики в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах;

4) комплексном исследовании интерферентных и трансферентных, конвергентных процессов в корпусе географической терминологии, обусловленной контактологией языков.

Особое внимание уделялось работам, обосновывающим как межъязыковые контакты финно-угорских, самодийских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (М.А. Кастрен, Е.И. Убрятова, Н.Н. Широкова, А.Е. Шамаева, А.А. Кузьмина), описывающих теорию тюрко-монгольских языковых контактов; исторического развития бурятского языка (В.И. Рассадин)⁴; исследования по самодийско-тунгусо-маньчжурским лексическим

⁴ Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. М.: Наука, 1982. 198 с.

связям (А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский⁵; (В.И. Цинциус)⁶, а также гипотеза самодийско-монгольских диахронных языковых контактов (Р.Г. Жамсаранова)⁷.

Цель и задачи работы predetermined рядом исследовательских **методов**: *сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, описательный, типологический*; методы и методики ономастических исследований: *метод формантного анализа, метод географических терминов* (частный приём установления наличия географического термина), *методика ретрогрессивного подхода, принцип лексико-семантической мотивированности*, включая и *метод полевого наблюдения*.

Теоретическая значимость исследования заключается в использовании основных выводов в дальнейших исследованиях монголоязычной апеллятивной лексики при создании разного рода лексикографических изданий, включая и топонимические. Результаты исследования могут обогатить сибирскую оноματοлогию в плане сравнительно-сопоставительных исследований.

Практическая значимость исследования обусловлена востребованностью результатов при разработке лекционных и практических курсов по дисциплинам сравнительной типологии, монгольской лексикологии, этнолингвистике, краеведению, а также вузовских дисциплин «Типологическое языкознание», «Лингвокультурология», «Общее языкознание и история лингвистических учений», «Сравнительно-сопоставительное языкознание».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Топономастическая лексика Восточного Забайкалья представляет собой совокупность проприальной и апеллятивной лексики, языковое происхождение которой связано не только с алтайскими языками региона, но и, прежде всего, с самодийскими.

⁵ Аникин А.Е. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи / А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский. М.: Яз. славян. культуры, 2007. 256 с.

⁶ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. слов. В 2 т. / отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975–1977.

⁷ Жамсаранова Р.Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья: монография / Р.Г. Жамсаранова. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2011. 237 с.

2. Топономастическая лексика субстратного происхождения способна представить свод географических терминов разных классов в качестве детерминантов субстратного топонима.

3. Субстратные топонимы при усвоении языком-реципиентом «проходят» этапы фонетической, морфологической и псевдосемантической адаптации, что обусловлено функциональной значимостью субстратного названия в топонимической системе.

4. Топономастическая лексика способна обнаружить интерферентные явления диахронического и синхронического видов.

5. Трансферентные явления в топономастической лексике Восточного Забайкалья обнаруживают естественную этноязыковую алтайскую общность.

6. Анализ субстратной топономастической лексики региона обнаруживает проявление диахронных конвергентных процессов давних самодийско-монгольских языковых контактов.

Апробация результатов исследования. Основные положения данной работы были представлены в форме докладов на 2 Всероссийских конференциях (Улан-Удэ, 2012; Чита, 2018) и 13 Международных (Красноярск, 2011; Чита, 2012, 2016, 2017; Улан-Удэ, 2012, 2013, 2016; Москва, 2012; Новосибирск, 2016; Ульяновск, 2017; Томск, 2016, 2017; Пермь, 2017); обсуждались на заседаниях НИЛ «Концептуальная систематика исчезающих и современных языков» ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет». Основные выводы и идеи исследования отражены в 23 публикациях, в том числе в 5 научных статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в 1 учебном пособии (2018).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 281 наименование, списка сокращений и условных обозначений. Основной текст диссертации излагается на 178 страницах машинописного текста.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность и новизна темы диссертационного исследования, определены цель и задачи, описана степень научной разработанности проблемы, научная новизна, определены источники материала, указаны методы исследования, очерчена теоретическая и методологическая основа работы.

В первой главе «**Теоретико-методологические основы исследования**» даётся определение понятию *топонимастическая лексика*, рассматриваются теоретико-методологические основы анализа субстратной топонимии Забайкалья. Целью данной главы является представление теоретико-методологической основы настоящего исследования.

Под топонимастической лексикой вслед за работами А.К. Матвеева понимается совокупность географических имён собственных и географических терминов от апеллятивного происхождения⁸.

Методологическими основаниями работы являются положения, выработанные в трудах И.А. Воробьевой, Г.Ф. Глинских, К.Ф. Гриценко, Т.Н. Дмитриевой, А.П. Дульзона, Р.Г. Жамсарановой, Ю.А. Карпенко, Г.Е. Корнилова, А.К. Матвеева, М.Н. Мельхева, О.Т. Молчановой, Е.М. Поспелова, Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Л.В. Шулуновой.

Географические термины, в отличие от географического имени собственного, обладают наибольшей сохранностью, менее подвержены как структурной, так и семантической трансформации в условиях языковых контактов.

Топоним возникает с момента указания физико-географических характеристик природного объекта и закрепляется в апеллятивной лексике – географических номенклатурных терминах. Поэтому *метод географических терминов* при этимологизации субстратного топонима представляет собой один из наиболее убедительных и обоснованных методов в русле исследований В.А. Никонова⁹, Ю.А. Карпенко, Е.М. Поспелова, А.К. Матвеева¹⁰.

Следующими основополагающими методами при исследовании топонимастической лексики Восточного Забайкалья являются *сравнительно-сопоставительный* и *типологический* методы, позволяющие сравнить, сопоставить и выявить типологически релевантные характеристики в топонимастической лексике с точки зрения сходства и различия, независимо от этноязыковой

⁸ Матвеев А.К. Топонимастика и современность / А.К. Матвеев // Вопросы ономастики. Свердловск: УрГУ, 1974. № 8-9. С. 12.

⁹ Никонов В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. М.: Наука, 1965. 180 с.

¹⁰ Местные географические термины: сб. ст. / Отв. редакторы Е.М. Поспелов и Н.И. Толстой. М.: Мысль, 1970. 224 с.

принадлежности, например, в границах самодийских (Н.М. Терещенко, В.В. Быконя, Е.А. Хелимский) и монгольских (Б.Я. Владимирцев, Н.Н. Поппе, В.И. Рассадин) языков.

Опора на сравнительно-исторические изыскания как в области бурятского¹¹, так и тюркских языков¹², позволяют верифицировать полученные результаты исследования топонимической лексики Восточного Забайкалья.

Другим важным методом исследования является *описательный*, с помощью которого выявлены и представлены регулярные фонологические чередования в апеллятивной лексике алтайских и самодийских языков.

Использование *принципа лексико-семантической мотивированности* при описании субстратных апеллятивов позволяет восстановить исходное значение географических терминов как топонимических основ.

Применение *метода формантного анализа* при анализе субстратной топонимической лексики позволяет выявить в структуре топонима детерминант, выступающий в качестве географического термина субстратного происхождения.

У каждого народа, населяющего тот или иной регион, выработалась своя система как географических имён собственных, так и географической терминологии, семантическое наполнение которых связано не только с особенностями ландшафта, но и с историко-политическими, культурными событиями, образом жизни, хозяйственным укладом, мировосприятием.

При изучении топонимической лексики Восточного Забайкалья в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах был применён *ретрогрессивный метод* исследования, позволивший выявить типологические схожие черты развития семантики топонимической лексики в диахронном аспекте (А.П. Дульзон¹³, А.К. Матвеев¹⁴).

¹¹ Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. М.: Наука, 1982. 198 с.

¹² Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов и др.; Отв. ред. Э.Р. Тенишев; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1997. 799 с.

¹³ Дульзон А.П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения / А.П. Дульзон // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 35-46.

Безусловно, при формировании топонимической лексики региона огромна роль учёта межъязыковых контактов и описания процессов псевдоморфологизации и псевдомотивации в условиях вхождения лексики одного языка в другой¹⁵.

Комплексное описание топонимической лексики Восточного Забайкалья позволяет выявить возможные причины изменений как фонологической и морфологической структур, так и семантики субстратных географических названий.

Согласно совокупным результатам рассмотренных в I Главе научных работ выявлено, что:

1) топонимическая лексика в сравнительно-сопоставительном аспекте способна обнаружить:

- а) этапность её усвоения;
- б) изменения фонетического «облика» заимствуемой лексики вследствие приспособления она к нормам языка-реципиента;
- в) изменения морфологических показателей;
- г) изменения фонетических, морфологических и семантических характеристик исходного детерминанта;

2) географическая терминология способна видоизменяться в отношении семантических характеристик вследствие родо-видового сдвига, особенно внутри лексики алтайских языков;

3) при сопоставительном анализе географической терминологии очевидна типология принципов номинации.

Во второй главе «**Топонимическая лексика субстратного происхождения**» определена ведущая роль географического термина как детерминанта; описана топонимическая лексика алтайских и самодийских языков в сравнительно-историческом, сопоставительном и типологическом аспектах. Целью данной главы является представление обзора сравнительно-сопоставительного изучения топонимической лексики субстратного происхождения.

1. Изученный свод топонимической лексики Восточного Забайкалья позволяет доказательно полагать о наличии проприальной и апеллятивной лексики, связанной как с алтайскими, так и

¹⁴ Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем / А.К. Матвеев // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 58-73.

¹⁵ Жамсаранова Р.Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья: монография / Р.Г. Жамсаранова. Чита: Изд-во РИО ЗабГУ, 2011. С. 33.

уральскими языками. При этом обнаружено частотное наличие самодийского субстрата.

2. Исследование топонимической лексики субстратного происхождения представлено сводом географических терминов разных классов в качестве детерминантов субстратного топонима в:

а) орографической терминологии (24 ед.):

- *šili* 'плоская возвышенность, низкая и плоская гора, пригорок, холм' /стп.-монг./, *шил-* 'затылок, загривок'; 'отрог горного хребта; плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; холм'/монг./; *шэлэ* 'плоская возвышенность, плоскогорье, пригорок, холм' /бур./ и *чял* 'опушка (леса)' /сельк./;

- *žanka* 'промежуток, щель, трясина, расселина' /эвен./; *чэпкэ-ки* 'болото (во впадине, в ложине)' /эвенк./; *чэпкэ** 'яма, впадина' /эвенк./; *чонко~чэпки~чэпкэ* '1. яма, впадина, глубокая долина (между хребтами); 2. ложина, 3. болото (во впадине) 4. глубокое ущелье'/эвенк./; *жабха/шабха* 'подлесок' / 'навоз (низменное грязное место)' /бур./ и *сарқи* 'ложбина, седловина' /сельк./;

- *tasiyu/tasiu* 'сторона, бок; скат горы, косогор' /стп.-монг./; *ташуу* 'косой, наклонный, отлогий, неровный, косогор, склон' /бур./ и *тэсий* 'нижний, находящийся внизу, низ' /нен./; *тэси* 'внизу, к низу' /нен./;

- *dabayar* 'перевал, переход через горный хребет' /стп.-монг./; *дав* 'горный перевал' /монг./; *дабаа(н)* 'горный перевал' /бур./; *дав-ми* 'переехать через реку' /эвенк./; *добо* 'холм, бугор; курган' /бур./; *добуу(н)* 'возвышенное место, холм, бугор; курган' /бур./ и *мырғыттоаң* 'хребет (горный)' с учётом корневого значения *тоанты* 'широкий' /сельк./;

б) оронимической терминологии (18 ед.):

- *тал/tal-a* 'равнина, ровная местность, пространство, степь' /стп.-монг./; *tala* 'открытая степь, ровная земля, большая или маленькая равнина' /монг./; *тала* 'поле, степь, равнина, открытое пространство'; 'сторона, место' /бур./; *тала* 'солонец, узкая долина с солёными источниками' /эвенк./; *тала* 'равнина' /ма./; *таллама* 'гладкое место' /эвенк./ и *тэл* 'склон, спуск', 'ложбина, котловина, впадина' /нен./;

- *хүнхэр* 'лог, низина, впадина' /бур./; *хонхойхо/ хонхор/ хонхорхой/хонхосог* 'иметь углубление; быть впадым' / 'углубление, выбоина, впадина, рытвина; лог, овраг; котловина' / 'впадина, выемка, углубление' / 'буерак' /бур./ и *хыңгэр* 'углубление; внутренняя часть

(капюшона, шапки); *хыңгоць* ‘быть ёмким, вместительным’, *хыңгота* ‘имеющий большую ёмкость; ёмкий, вместительный’/нен./;

-*хүнды* ‘пустой, полый’, ‘узкая падь’ /бур./ и *ундешундь~унджундь~унжэшундь* ‘ручѐк’/сельк./;

в) **гидронимической терминологии** (14 ед.):

-*дзѐк/дзѐк* ‘пересыхающая река’/др.-тюрк./; *ус (ан)* ‘река, вода’/монг./; *уһан* ‘река, вода’/бур./ и *ас* ‘река (большая)’/хант./; *оса* ‘привольно; свободно; свободный, привольный’/хант./;

-*хилэ* ‘граница; рубеж’/бур./ и *қы~кэ* ‘река’/сельк./; *қықе~қықе~қықкэ* ‘река, речка, ручей’/сельк./;

-*агы* ‘пещера’/бур./, *агуу* ‘великий, обширный’/бур./, *ага* ‘открытая равнина’, ‘холмистые степные равнины с перелесками’, ‘лесная чаща’, ‘тундра’, ‘болото’ /эвенк./ и *акка* ‘протока, большое длинное озеро, старица’ /сельк./; -*акко(акка)* ‘старица, озеро; рот, устье реки’/сельк./.

г) **лимнологической терминологии** (16 ед.):

- *тором* ‘горько-солёное озерко’ /бур. диал./ и *то-/ту-* ‘озеро’/сельк./; *тѐр, тѐр* ‘озеро’ /сельк./ и *тѐ* ‘озеро’ /нен./;

- *нирй* ‘ямка, впадинка’, *нирэ* ‘болотистая поляна в лесу; прогалина в прибрежных зарослях’, *нирукаг* (диал.) ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’; *нярукаг* ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’; *нярги* (диал.) ‘перекат, мель, порог на реке; брод, переправа’; *нуур* ‘озеро’/бур./ и *н’ар (н’аррь)* ‘болото’/сельк./, *няр~нярры* ‘болото’/сельк./;

- *пауиг* ‘озеро’/стп.-монг./ и *нагурит* ‘трясина’/сельк./;

д) **тельмографической терминологии** (20 ед.):

-*шэбэр* ‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу) /бур./ и *чвор~чъвор~чъвэр* ‘чвор (большое озеро с истоком)’; ‘место, покрытое кустарником и затапливаемое весной’; ‘узкое длинное озеро’; ‘старое русло реки, старица’; ‘протока в пойме реки’/сельк./;

-*сункок* ‘ключ в реке, маленькое глубокое топкое место’; ‘глубокий омут’; ‘прорубь’ /бур./ и *коққа* ‘глубокая яма, где водится рыба’/кет.диал./;

-*кѐкйп* ‘лу́жа, пруд’/стп.-монг./ и *коққа* ‘глубокая яма, где водится рыба’/кет.диал./;

-*балйу* ‘грязь, тина’/стп.-монг./; *балчиг* ‘топкое болотное место’/монг./; *балиаг* ‘грязь, тина, лужа’ /бур./ и *пальтя~*

пальця-пыльтя ‘вязкая грязь’/сельк./; *полхак* ‘чаща’/сельк./; *кал’джь* ‘топкое, кочковатое место с древесной растительностью’, *калжэ* ‘кочка, топкое место с кочками’; *калжэ~ калжэ~кальже* ‘кочка, топкое место с кочками’; *калжэзан* ‘согра (сырое топкое место, поросшее лесом, с кочками)’/сельк./

Сопоставительный анализ позволяет сделать предварительные выводы о лексико-семантической близости географических терминов (монгольских и самодийских, кетских), подтверждая тем самым наличие выделенных в своё время стратиграфических пластов топонимии Восточного Забайкалья¹⁶.

3. Процессы языковой адаптации топонимической лексики в языках-реципиентах (бурятском, русском) верифицированы в виде топонимов, искажённых явлениями псевдоморфологизации и псевдосемантизации. При этом очевидно влияние так называемой межъязыковой омонимии, когда из средств языка-реципиента «подбираются» созвучные апеллятивы, которые условно приобретают статус детерминанта.

Семантическое переосмысление в топонимической лексике Восточного Забайкалья привлекает апеллятивную лексику, имеющую мало общего с географической терминологией вообще, и становящуюся основой для псевдосемантизации, контаминации как результата межъязыковой омонимии.

Проявление межъязыковой омонимии в этих примерах очевидно. «Подбор» созвучных исходному субстратному термину апеллятивов языка-реципиента, включая моменты и псевдоморфологизации средствами языка-приемника, служит моментом появления так называемой «ложной» этимологии.

В третьей главе **«Лингвистические процессы в корпусе топонимической лексики региона»** описаны интерферентные, трансферентные и конвергентные явления в корпусе топонимической лексики региона. Целью данной главы является проведение анализа выявленных географических терминов, ставших основой топонимов субстратного происхождения.

1. Описанные лингвистические процессы в корпусе топонимической лексики Восточного Забайкалья как

¹⁶ Жамсаранова Р.Г. Топонимия Восточного Забайкалья / Р.Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. 128 с.

интерферентные, трансферентные и конвергентные явления, позволяют сделать соответствующие выводы.

Интерференция в корпусе топонимической лексики проявляется в двух видах – диахроническом и синхроническом. Синхронический вид интерференции обнаруживает, на наш взгляд, явление субстрата в географической терминологии.

Диахронический вид интерференции обнаруживает, прежде всего, факт семантического переосмысления исходного детерминанта как географического термина субстратного происхождения, вследствие морфологической и фонетической перестройки.

2. Трансферентные явления в топонимической лексике Восточного Забайкалья обусловлены, во-первых, этноязыковой общностью алтайских языков, во-вторых, территориальной общностью описываемых языков.

3. Более глубокие процессы лингвистического характера затронуты в параграфах, где описаны конвергентные явления в топонимической лексике Восточного Забайкалья. Данное описание позволило вскрыть и проанализировать явления, имеющие, во-первых, несомненную новизну вследствие малоизученности самодийско-монгольских языковых контактов. Во-вторых, проявившиеся типологически сходные черты систем фонологии и семантики этих неродственных языков (самодийских и монгольских) позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу о диахронном урало-алтайском языковом союзе, включая территорию описываемого региона¹⁷.

Сопоставительный анализ географической терминологии позволил выявить следующие лингвистические явления:

1) в морфологической и фонологической структуре апеллятивов обнаружилось:

а) в одних случаях, полное лексико-семантическое сходство преимущественно в гидронимических, лимнологических терминах; б) в других случаях, частичное лексико-семантическое сходство в географических, оронимических, тельмографических терминах;

¹⁷ Жамсаранова Р.Г. Сравнительно-сопоставительный анализ апеллятивной лексики бурятского и ненецкого языков / Р.Г. Жамсаранова // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков: материалы всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 85-летию проф. В.И. Золхоева / отв. ред. В.М. Егодурова. Улан-Удэ, 2013. С. 127-131.

2) Сопоставительный анализ предоставил основание полагать, что монгольские и самодийские языки объединяет ряд типологически значимых характеристик в системе вокализма:

а) редукция безударных гласных, отмечаемая как монголоведами в диалектах бурятского языка (А.Д. Руднев, В.И. Рассадин¹⁸, А.А. Дарбева), так и селькуповедами (В.В. Быконя¹⁹, Н.Г. Кузнецова, Н.П. Максимова). Наличие в корневой основе терминов фонемы [э] сближает монгольские термины с самодийскими, поясняемое явлениями в исторической фонетике бурятского языка²⁰.

В самодийских же отмечено функционирование среднерядного неогубленного гласного э (в основном, после твёрдых согласных). В селькупском языке [э] используется для передачи качественно неопределённых звуков в ударных и безударных слогах после твёрдого согласного²¹;

б) наличие долгих и кратких гласных как в монгольских, так и в самодийских географических терминах;

в) сопоставительный анализ алтайских, в частности, бурятских, терминов с самодийскими подвёл нас к следующему выводу о возможности наличия

- перехода *-оа-* /сельк./ в *-аа-* /бур./, *-ō-* /сельк./ в *-оо-* /бур./ как следствие наличия долготы гласных;

- перехода краткого *-ă-* /нен./ в *-э-* /бур./, перехода *-о-* /сельк./ в *-э-* /бур./, перехода *-я-* /сельк./ в *-э-* /бур./ [э] бурятского языка. Известно, что фонема [э] бурятского языка – это мягкорядная фонема, перешедшая в смешаннорядную «э» вместо переднеязычного «е»²²;

- перехода *-э-* /нен./ в *-а-* /бур./; перехода *-э- тэл* /нен./ в *-а- тала* /бур./, что связано с историей развития системы вокализма в монгольских языках. В.И. Рассадин пишет, что мягкорядная фонема [э] является фонемой смешанного ряда, акустически близкая к русскому *ы* или тюркскому смешанному *ы* и отличается от них только

¹⁸ Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. М.: Наука, 1982. 232 с.

¹⁹ Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В.В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.

²⁰ Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. М.: Наука, 1982. С. 15.

²¹ Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В.В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 8.

²² Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. М.: Наука, 1982. С. 15.

своим более открытым характером. Поэтому В.И. Рассадин выделяет особый характер бурятского в отличие от других монгольских языков, наряду с другими дифференцирующими признаками (бурятское фарингальное *h*, проточные согласные *ш*, *ж*, *с* вместо аффрикат *ч*, *дж*, *ц* халхасского и калмыцкого языков)²³.

- перехода *-ы/-нен./* в *-у/-бур./*. Фонема [*ы*] ненецкого языка, вероятно, развилась в бурятское *-э-*, появившееся «на месте исконного общемонгольского **e*»²⁴ через посредство стп.-монг. гласных *й* или *ө*».

Развитие [*у*] на месте **ö* отмечается, по мнению В.И. Рассадина, в монгольских языках со средних веков²⁵. Данное положение позволяет полагать об историческом процессе в системе вокализма монгольских языков, начиная с периода создания «Сокровенного сказания монголов».

3) Тенденция к общему ослаблению артикуляционной напряжённости, наблюдаемая в диалектах сопоставляемых языков (бурятского и селькупского) проявляется, например, в системе консонантизма:

- переходом *-с-/сельк./* в *-ж-/бур./*, переходом *-ч-, -ц-/т /сельк./* в *-ш-/бур./* Возможный переход *ч-/самод./* в *ш-/монг./* в терминах *чял; šile, шил, шэлэ*, позволяет считать алломорфы монгольских языков возникшими в результате каких-то древних самодийско-монгольских языковых контактов. Наличие и сходство этих терминов обусловлено историей развития монгольских языков, в частности, историческим переходом общемонг. **č* в бур. *š*²⁶.

Исследователь бурятского языка В.И. Рассадин пишет о том, что «в бурятском языке до начала действия тенденции ослабления смычки у согласных наличествовали и свистящие аффрикаты *ц* и *дз*, которые из всех монгольских языков имеются ныне лишь в халхасском и калмыцком языках»²⁷. Данное мнение позволяет нам сопоставить старописьменно-монгольский *žabsar* ‘цель, промежуток’ (на основе метонимического переноса) с оронимическими терминами *žанка* ‘промежуток, цель, трясина, расселина’/ эвен./; *сарқи* ‘ложбина,

²³ Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. М.: Наука, 1982. С.23.

²⁴ Там же, С. 17.

²⁵ Там же, С. 17; 22.

²⁶ Там же, С. 75-76.

²⁷ Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. М.: Наука, 1982. С. 133.

седловина'/сельк./, *жабха* 'подлесок'/бур./, *жабхара* в значении 'пересохшее русло небольшой протоки'/бур./. Развитие щелевых звуков *ʃ*, *ʒ*, *s*, *z*, соответствующие *ж*, *з* обусловлено дивергенцией обще-монгольских шипящих аффрикат. В истории бурятского языка это явление объясняют ослаблением артикуляции бурятских консонантов²⁸,

- в бурятских терминах наблюдается отсутствие взрывных согласных в анлауте, например, переход *-қ-* /сельк./ в *-х-* /бур./ «Переход» гидронимического термина *қы-қэв* бурятское *-хи* может объясняться тем, что в селькупском языке [к] – глухой увулярный согласный звук образуется смычкой малого язычка с задней частью спинки языка. В бурятском языке этот звук будет иметь соответствие в виде [k^h], со сдвигом в сторону фарингального [h].

К тому же, переход селькупского *ки-* в бурятское *хи(л)-* или *гы-*²⁹ можно объяснить отсутствием в бурятском языке звука [к]. Вторичная номинация в речевом сознании носителей бурятского языка субстратного термина привела к семантическому объяснению появления предположения этимологии приведённых выше гидронимов от бурятского *хилэ* 'граница; рубеж';

- в бурятских терминах наблюдается отсутствие палатализованных согласных, за исключением единичного термина *хилэ* 'граница; рубеж'.

- в бурятских терминах наблюдается наличие звонких согласных как следствие возможного ослабления условно исходных глухих фонем селькупского языка: переход анлаутного *-п-* /сельк./ в *-б-* /бур./ *п-||б-*; ауслаутного *-ц-* (<*пальця*) || *-ч-/-ш-* (<*балчиг, балшаг*); анлаутного *-т-||-д-* (*тоаң / дабаа(н)*); инлаутного *-к-* || *-г-* (*акка / агы*).

- переход *-ң-* /нен./ в *-нх-* /бур./ объясним очевидным звуковым совпадением сонантов.

Возможность сопоставления апеллятивной лексики самодийских и монгольских языков, верифицированных географической терминологией, обусловлена подмеченными «остатками сингармонизма, редукцией гласных»³⁰ в системе вокализма

²⁸ Там же, С. 133; 135.

²⁹ Жамсаранова Р.Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья: монография / Р.Г. Жамсаранова. Чита: Изд-во РИО ЗабГУ, 2011. С. 115.

³⁰ Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В.В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 318.

селькупского языка. В системе вокализма монгольских языков присутствует сингармония гласных, редукция безударных гласных, что даёт основание для сопоставления данных языков, с учётом диахронных аспектов языков. Причём только в монгольском и бурятском языках вокализм представлен сингармонизмом по ряду и огубленности, в калмыцком только по ряду; в остальных монгольских языках сингармонизм отсутствует вообще или сильно разрушен³¹.

Обнаруженное ранее наличие лексического и семантического сходства апеллятивной лексики терминологического характера внутри монгольских и самодийских языков подтверждается проведённым лингвистическим анализом конвергентных процессов. В результате конвергенции языков, не связанных генетическими отношениями, выявляются языковые факты, которые свидетельствуют об их типологическом и материальном сходстве.

Имеющиеся исследования по субстратной топонимии, терминологии родства в самодийских и монгольских языках, этнонимии монгольских народов, а также параллели в лексическом фонде самодийских языков могут быть объяснимы давними общетунгусскими истоками происхождения бурят как отдельной национальности.

В **Заключении** изложены основные результаты исследования, на базе которых возможна постановка вопроса об исторических связях и контактах народов региона, включая проблему диахронной контактологии языков региона. Сравнительно-исторический и типологический анализ апеллятивной лексики терминологического характера позволил постулировать влияние субстратных языков на корпус местной географической терминологии бурятского языка как родственных алтайских – эвенского, эвенкийского, старописьменно-монгольского, тюркских, древнетюркского, так и уральских языков, в первую очередь, самодийских – ненецкого, селькупского.

Сравнительно-сопоставительный анализ географической терминологии монгольских и самодийских языков позволил сделать выводы о наличии глоттогонической конвергенции, наблюдаемой в апеллятивной лексике терминологического характера. Данный факт подтверждает гипотезу о диахронном контактировании с некоторыми монгольскими языками и диалектов с некоторыми самодийскими.

³¹ Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В.И. Рассадин. М.: Наука, 1982. 232 с.

Сопоставительный анализ топонимической лексики Восточного Забайкалья даёт основание определить самодийские языки тем субстратом, который и повлиял (в том числе) на историческое развитие бурятского языка, как в области фонологии, так и лексикологии.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России

1. Дыжитова, Е. Ч. К проблеме кодификации наименований элементов традиционного бурятского костюма / Е. Ч. Дыжитова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 2 (86). – С. 59 – 63.

2. Дыжитова, Е. Ч. О происхождении географического термина «сункок» / Е. Ч. Дыжитова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 4 (88). – С. 36 – 40.

3. Дыжитова, Е. Ч. Сравнительно-сопоставительный аспект географической терминологии Восточного Забайкалья / Е. Ч. Дыжитова // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 5. – С. 6 – 10.

4. Дыжитова, Е. Ч. О происхождении топонима Маргузец / Е. Ч. Дыжитова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – №3 (13). – С. 18 – 23.

5. Дыжитова, Е. Ч. Трансферентно-интерферентные процессы в русскоязычной топонимии Восточного Забайкалья / Е. Ч. Дыжитова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 4 (96). – С. 25 – 30.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

6. Дыжитова, Е. Ч. Этнокультурная специфика именованя рукава в традиционном бурятском костюме / Р. Г. Жамсаранова, Е. Ч. Дыжитова // Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Д. Н. Кугультинова (Элиста, 11-12 апреля 2012 г.). – Элиста: КалмГУ, 2012. – С. 181 – 183.

7. Дыжитова, Е. Ч. Этимология именованя рукава традиционного бурятского костюма "хамсы" / Р. Г. Жамсаранова, Е. Ч. Дыжитова // Этнокультурный диалог в Центральной Азии:

проблемы интеграции и национальной идентичности: материалы Байкальского Междунар. гуманитарного форума, посвящ. 80-летию БГПИ-БГУ (Улан-Удэ, 14-16 июня 2012 г.): в 2 ч. – Ч. I. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятс. ун-та, 2012. – С. 100 – 108.

8. Дыжитова, Е. Ч. Об этимологии топонима Маргуцек / Е. Ч. Дыжитова // Современное иноязычное образование в формировании интеллектуального капитала России: сб. материалов Междунар. молодежной науч.-практ. конф. (Чита, 17 мая 2012 г.): в 2 ч. – Ч. I. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2012. – С. 152 – 154.

9. Дыжитова, Е. Ч. О происхождении топонима Тонтой / Е. Ч. Дыжитова // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – VI: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (Улан-Удэ, 17-19 мая 2012 г.) / науч. ред. Г. С. Доржиева; отв. ред. Э. К. Шохоев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятс. ун-та, 2012. – С. 111 – 112.

10. Дыжитова, Е. Ч. Местная географическая терминология как явление этноязыкового субстрата / Е. Ч. Дыжитова // Аспирант: труды молодых ученых, аспирантов и студентов: приложение к журналу «Вестник Забайкальского государственного университета». – Чита: ЗабГУ, 2013. – № 2 (14). – С. 65 – 67.

11. Дыжитова, Е. Ч. Аппеллятив тала в ойконимах Хоринской степной думы Верхнеудинского округа / Е. Ч. Дыжитова // Азиатско-тихоокеанский регион: история и современность – VII: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Улан-Удэ, 15-18 мая 2013 г.) / науч. ред. Г. С. Доржиева; отв. ред. Т. И. Осорова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2013. – С. 136 – 137.

12. Дыжитова, Е. Ч. Тюрко-самодийские аппеллятивы в топонимах Забайкальского края / Е. Ч. Дыжитова // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: матер. X студенческой Междунар. заочной науч.-практ. конф. (Новосибирск, 16 апреля 2013 г.). – Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2013. – С. 42 – 45.

13. Дыжитова, Е. Ч. К проблеме кодификации наименований элементов традиционного бурятского костюма / Е. Ч. Дыжитова // Россия, Запад и Восток: диалог культур: сб. ст. I Междунар. молодежной науч.-практ. конф. (Томск, 28-29 апреля 2014 г.) / отв. ред. С. К. Гураль. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. – С. 120 – 123.

14. Дыжитова, Е. Ч. К этимологии эвенкийских топонимов на территории Забайкальского края / Е. Ч. Дыжитова // Теоретические и

методологические вопросы изучения языка и культуры малочисленных народов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 28 ноября 2014 г.) / науч. ред. Е. Ф. Афанасьева, отв. ред. В. Д. Патаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2015. – С. 86 – 88.

15. Дыжитова, Е. Ч. Экология топонимов: названия улусов Хоринской Степной Думы 1897 года / Е. Ч. Дыжитова // Язык и культура: сб. материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 11 февраля, 4 марта 2016 г.) / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2016. – С. 26 – 31.

16. Дыжитова, Е. Ч. Местная географическая терминология контактного языкового происхождения / Е. Ч. Дыжитова // Азиатско-тихоокеанский регион: история и современность – X: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Улан-Удэ, 19-21 мая 2016 г.) / науч. ред. Д. И. Бураев; отв. ред. Т. И. Гармаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2016. – С. 279 – 281.

17. Дыжитова, Е. Ч. Терминологические параллели в монгольских, тунгусо-маньчжурских и самодийских языках / Е. Ч. Дыжитова // Аспирант: труды молодых ученых, аспирантов и студентов: приложение к журналу «Вестник Забайкальского государственного университета». – Чита: ЗабГУ, 2016. – № 1 (19). – С. 43 – 47.

18. Дыжитова, Е. Ч. Термин дэгнүүл «кочка (на болоте)» в сравнительно-сопоставительном аспекте / Е. Ч. Дыжитова // Ашмаринские чтения: сб. трудов X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20-21 октября 2016 г.) / сост. и отв. ред. О. Г. Владимирова, А. М. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 124 – 127.

19. Дыжитова, Е. Ч. Семантическое освоение бурятских заимствований русским языком / Е. Ч. Дыжитова // Инновации. Технологии. Наука: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 25 января 2017 г.): в 4 ч. – Ч. 4. – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – С. 78 – 81.

20. Дыжитова, Е. Ч. Переосмысленные названия в русскоязычной топонимии Восточного Забайкалья / Е. Ч. Дыжитова // Филологическое образование и современный мир: материалы XIII молодёжной науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чита, 30 марта 2017 г.). – Чита: ЗабГУ, 2017. – С. 6 – 8.

21. Дыжитова, Е. Ч. Деэтимологизация как результат межъязыковых контактов в забайкальской топонимии /

Е. Ч. Дыжитова // Ономастика Поволжья: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20 – 23 сентября 2017 г.): в 2 т. – Т. 1. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017. – С. 307 – 311.

22. Дыжитова, Е. Ч. Ретроспективный анализ топонимов Восточного Забайкалья / Р. Г. Жамсаранова, Е. Ч. Дыжитова // Филологическое образование и современный мир: материалы XIV Всерос. молодёжной науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чита, 30 марта 2018 г.). – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 16 – 18.

Учебное издание

23. Дыжитова, Е. Ч. Русскоязычная топонимия Восточного Забайкалья: учеб. пособие / Е. Ч. Дыжитова. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 122 с.

Список сокращений

бур. – бурятский, монг. – монгольский, стп.-монг. – старописьменно-монгольский, др.-тюрк. – древнетюркский, тюрк. – тюркский, нен. – ненецкий; самод. – самодийский, сельк. – селькупский, нган. – нганасанский, энец. – энецкий, эвенк. – эвенкийский, эвен. – эвенский, т.-ма. – тунгусо-маньчжурский, ма. – маньчжурский, кет. – кетский, хант. – хантыйский.

Дыжитова Екатерина Чингисовна

ТОПОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ, СОПОСТАВИТЕЛЬНО- ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Подписано в печать 03.04.2019.

Форм. Бум. 60×84/16.

Печать цифровая. Гарнитура TimesNewRoman.

Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. Л. 1,4.

Заказ №19016. Тираж 100 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30